

ЕВГЕНИЙ КУЗЬМИН

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ, ИЛИ СОКРОВЕННЫЙ ДНЕВНИК ЦАХЕСА ЦИННОБЕРА ВЕЛИКОГО, ПРОИЗВЕДЕНИЕ, СОСТАВЛЕННОЕ ИМ САМИМ

Вводное слово переписчика

Случайно обнаруженная тетрадка, содержащей незначительное по объёму (но не по значению!) сочинение, озаглавленное «Краткое жизнеописание, или сокровенный дневник Цахеса Циннобера Великого, произведение, составленное им самим» имеет большое значение. Это важный источник для изучения жизни и деяний заметного государственного деятеля. Однако проверка подлинности документа, к сожалению, не представляется возможной. Так до настоящего времени не сохранилось образцов почерка Цахеса. Да и, если бы мы ими располагали, их нельзя считать однозначным мериллом истинности, поскольку нет способа установить, заполнена ли тетрадка рукой самого Цахеса или автобиография переписывалась. Анализ стиля, сопоставление лексики также не представляются реализуемым ввиду отсутствия образцов для сравнения. Однако, как уже отмечалось, ценность находки очевидна. Ведь, к сожалению, наука не располагает другими достоверными свидетельствами о биографии господина Циннобера. По этой причине любой текст, имеющий отношение к теме, представляет огромное значение и обогащает интеллектуальную дискуссию по данной проблематике.

Имеются некоторые обрывочные свидетельства, проливающие хоть какой-то свет на Цахеса и его время. Но их немного, а их информативность ограничена. Считается, что источниковедческую базу в значительной степени подорвали противостоящие просветителям романтики. Они ходили по лесам, мечтали, а потом выдували фантастический вздор вместо составления внятных свидетельств. Некоторое реальное представление об эпохе и месте, а также нравах людей дают письма известного учёного Полемея Филадельфуса, адресованные Руфину. Многие также можно почерпнуть из документов княжеского архива от времён правления Пафнутия до правления Барсануфа включительно. Архив, как известно, остаётся неразобранным до сего дня. Предположу, что документы многое сообщает о глубоком государственном уме господина Циннобера. Но, разумеется, за пределами рая о благе страны и населяющего её народа там окажется совсем немного материалов биографического характера. Следует также иметь в виду, что Цахес никогда не осквернял своих рук писанием, он диктовал и давал исключительно устные распоряжения, часто для экономии времени пользуясь условными звуковыми сигналами, как то, например, мяуканье и мычание. Тем самым он предпочитал возвышенное теоретическое, столь изящно воспетое Аристотелем в начале его «Метафизики», грубому практическому. Разумеется, в большинстве случаев мы уже не сможем узнать, какие идеи принадлежат исключительно Цинноберу, а какие коллегиальны.

До настоящего момента, именно биография Цахеса широко известна лишь по одному источнику, никогда не претендовавшему на точность и достоверность. Это повесть Эрнста Теодора Амадея Гофмана, носящая название «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер». Автор никоим образом не заявлял о правдивости своего повествования, но, напротив, обозначил текст как сказку. Кажется, Гофман не стремился поделиться истиной о жизни примечательной личности, но предпочёл поучать читателя, давая реальным событиям весьма однобокое истолкование. При всей очевидной важности сказки «Крошка Цахес» для истории литературы, она не может рассматриваться в качестве честного и непредвзятого исторического источника. Хотя мы и не отрицаем, что в ней содержится некая толика очень сильно художественно переработанной правды.

Обнаруженный нами текст – предположительно версия событий с точки зрения самого Цахеса. И как бы читатель не относился к его личности, каких бы не придерживался идеологических установок, остаётся несомненным, – любая автобиография всегда отличается от взгляда со стороны. Письменный рассказ о себе самом очищает Цахеса от обвинений в ничтожестве, которые явственно проступают в повести имевшего политический интерес Гофмана. При этом оговоримся, распространено заблуждение, что только одарённые с рождения талантливые особы способны к созданию текстов, к размышлению.

Все это разбивается о тот простой факт, что умственно разные люди не столь уж сильно и отличаются друг от друга. Привычка мыслить и желание высказываться одерживают вверх над часто приписываемыми постфактум природными дарованиями. Гофману следовало бы об этом знать, – и что там человек! Эрнст Теодор Амадей сам опубликовал заметки кота Мурра, продемонстрировавшего выдающиеся достижения в выражении неординарных мыслей. Но довольно пустых рассуждений. *Res ipsa loquitur*.

Автобиография Цахеса

Аристотель писал: «Но ты не страшись величия: иные рождаются великими, иные достигают величия, а иным величие жалуется». Мне же последний пункт никогда не imponировал. Величие плохо соотносится со всем, имеющим один корень с «жалостью». Высокий статус беспощаден в первую очередь к тому, кто осмелился взобраться на пьедестал. Каждый, подбросивший себя высоко вверх, однажды должен упасть. Но величия я никогда не страшился, с рождения угадывая выпавший мне выдающийся жребий. Ведь само стремление к возвышенному сродни богопознанию. Это желание подняться из низости во прахе земном до сияющей славы небес и ангельского чина. И Бог на стороне рвущегося, идущего к нему. Как учит нас Библия: «Царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего». Бог на стороне богоборца, о чём свидетельствует история Иакова. Служители же Бога оскверняют Бога, говоря от Его Имени то, о чём сам Бог их не просил.

Я родился в семье бедных крестьян, людей простых и нелепых во всех своих поступках. Однажды мой отец, перекапывая сад, нашёл в земле золотые монеты. Он мог бы вложить их в дело, истратить на образование или... ну мало ли ещё на что? «Деньги движут миром». В реальности же всё быстро пошло прахом. И мои несчастные родители скоро вернулись в своё обычное состояние, в глубокую и беспросветную нищету. Хотя, я полагаю, в глубине души они радовались такому повороту событий. Бедность им привычна, как и жалость к самим себе. А иное положение дел им чуждо. Человек должен уметь принять счастье, богатство. Не каждому это дано.

Бог не наградил меня высоким ростом и выдающимся телосложением. Во всём этом не угадывалось сходства с моими родителями. Один знакомый ботаник, – ах, сколь часто меня относили к растениям, принимая за мандрагору! – впоследствии мне рассказывал, это можно считать свидетельством того, что отец мой не является мне родным. Весьма вероятно, моя матушка согрешила с человеком чрезвычайно знатным, скорее всего, королём или императором. От этого и моя внешняя нескладность, – при моём зачатии соединились слишком различные натуры, конъюнкция которых не способна произвести на свет пропорционального и гармоничного телесного произведения.

Родителям я всегда был нелюб. Особо мать щедро одаривала меня обидными прозвищами, часто произнося их громко и публично. Я – и окаянный уродец, и ноги у меня паучьи, и хожу я плохо, и не говорю. И это в самом нежном возрасте! А речь... Я и правда не говорил с родителями, о чём прикажете беседовать с глупыми крестьянами? И, конечно, меня невозможно было впрячь в плуг. Ребёнок не может работать, но ест, – непростительный грех.

А между тем, всякому очевидно, величие в исключительности, в непричастности обыденному. И в неприглядном уродстве пылливый ум разглядит высшую отметину, указание на необычную будущность. Мне это с младенчества казалось очевидным. И весьма скоро пришла пора исполнения высоко-кого стремления дум.

Мне было всего года два-три, когда моя матушка, проклиная меня и собирая жарким летним днём хворост, – а зимой такие собирают лёд, – уснула в лесу у дороги. Между тем известная фея Розабельверде, жившая в приюте для благородных девиц под именем фон Розеншпен, заметила меня, возвращаясь с прогулки. Эта глубоко порочная дама, всю жизнь изворачивавшаяся и юлившая, скрывала о себе позорную правду. Она выдавала себя за благородную даму, но на самом деле являлась простой феей, фантазией непросвещённых сельских пустобрёхов. Таким не место среди просвещённых порядочных людей. Однако же Розабельверде обладал некоторыми фиглярскими способностями, и ей была присуща некоторая пронизательность, я бы даже сказал, глубинное понимание реальной жизни, столь часто свойственное мифологическим, не принадлежащим реальному миру существам. Заприметив меня, фея разглядела мои глубоко скрытые выдающиеся дарования. Она бесцеремонно взяла меня на руки и принялась гладить, расчесала мои волосы. Я же от непривычной ласки уснул.

Скоро, пробудившись, мать разбудила меня, не дав порядочно выспаться и довольно бесцеремонно швырнула меня в корзину за своей спиной. Мы отправились домой мимо пасторского дома. Священник же, заметив меня, сразу опознал мои выдающиеся дарования. Но лишь он указал на них моей матери, ответом ему стал решительный протест. Родительница привычно ругала и порочила меня. Особо же её беспокоило моё желание укубить пастора за нос. Она не понимала глубины моих намерений. Я лишь хотел указать пастору, что нельзя совать свой нос в чужие дела. Да-да, уже в столь юном возрасте я умел поучать учёных. Впрочем, грубая несдержанность священника пошла мне на пользу, – он взял меня

на воспитание, уразумев ненависть ко мне моей собственной матери. Он даже поспешно бежал со мной в свой дом, заперев за нами дверь, спасая меня от настырной крестьянки.

Пастор оказался человеком абсолютно бездарным, неспособным достичь величия. В своём сострадании к ближнему он отказал себе в праве к борьбе за возвышенные идеалы и личные достижения. До сих пор тошно вспоминать его мерзкое благостное, лоснящееся от доброты и сала лицо. И эта дурацкая улыбочка! Но нужно отдать ему должное. Понимая, сколь великая судьба мне уготована, он взялся за моё образование. Кроме собственно обучения я усваивал и многие важные навыки. Мне даже довелось послужить волонтером в кирасирском полку. А там столь преуспел, что устроился учителем верховой езды у офицеров и статских. Хотя многие нахваливали моё умение держаться в седле, сам я знаю о многочисленных недостатках. Их причина – мой маленький рост. Но сколько сил я положил, чтобы перебороть природу! Эта неустанная битва и сделала из меня гениального учителя, знающего все мельчайшие тонкости искусства верховой езды.

Человеку с высоким полётом мысли и глубоким взглядом на натуру пристало шлифовать естественные дарования, превращая грубый и твёрдый алмаз в блистательный бриллиант. И потому я отправился в прославленный Керепесский университет, дабы совершенствоваться во взаимодействии с величайшими умами современности. Там я быстро выказал успехи во всех науках. И тем самым я приобрёл себе немало друзей... и значительное число врагов. Люди в большинстве своём чрезвычайно завистливы. Самым нелепым среди моих злопыхателей, несомненно, был Фабиан, глупый и безвкусно одевавшийся злобный насмешник. Он казался бескорыстным. Ему просто хотелось досаждать мне. Это часть его нелепой натуры, как глупые нескладные фракы с неуместно длинными фалдами, которые он носил.

Самым же идейным ненавистником мне всегда виделся Бальтазар, мерзкий бездельник и посредственный поэтишка. Он часто бродил по лесам, избегая достойных, хоть и утомительных занятий. Он посещал лекции знаменитого ботаника Моша Терпина, лишь для того, чтобы совратить его дочь Кандиду. Однажды я публично представил стихотворение Бальтазара о любви соловья к алой розе. Восхищение моей блистательной презентацией оскорбило рифмоплёта. Бальтазар вообразил, что вся слава пристала лишь сочинителю. Но я лично считаю, что выдумывать может каждый и лишь великий умеет представить вещь в нужном свете, продать людям те или иные полёты фантазии. И величина моего успеха по сравнению с достижениями Бальтазара вполне подтверждает мои предположения. Тогда и непревзойдённый профессор эстетики Керепесского университета сразу отметил мои заслуги, проигнорировав Бальтазара.

Рифмоплёт взъелся, конечно, на меня и из-за любви ко мне Кандиды, дочери профессора Моше Терпина. Увидев её, я сразу понял, что мы созданы друг для друга. С первого взгляда я усмотрел начертания судьбы, а Кандида ответила мне взаимностью. Бальтазар же, нищий и бесперспективный студент, приписал всё колдовству. Сколь часто волшебство чистой любви выдаётся завистниками за тёмный мрак колдовства! А Бальтазар возомнил причиной всякой любви лишь внешнюю привлекательность, которой я никогда не обладал. Он повторил распространённую ошибку – проигнорировал истинное основание всякой любви, влечение родственных душ.

Конфликт у меня возник и с неким заезжим итальянским скрипачом Винченцо Сбькком. Вместо благодарности за моё блестящее представление его творчества он решил, что я отнимаю его славу. А это вздор. Пиликать на скрипке может всякий. А уж заезжему чужаку и подавно следовало бы вести себя скромнее. Я же обладал высочайшей способностью очаровывать людей. И кому было бы интересно пиликанье на скрипке, если бы я не сделал ему блистательную презентацию? Достиг ли бы Виченцо без меня хоть какой-нибудь минимальной известности? Не думаю. Впрочем, чего можно ожидать от клоуна?!. Как сказал Александр Македонский: «Не трогайте шутов и проститутку».

Моим, если так можно выразиться, политическим соперником выступил референдарий Пульхер. Он руководствовался и личной обидой, – мы состязались за должность тайного экспедитора в министерстве иностранных дел. Я оказался лучше и победил. Пульхер же – плохой кандидат, лишённый всех необходимых способностей. Очутившись в стеснённых обстоятельствах, он надеялся поправить своё материальное положение, добившись выгодного вакантного места. А государственная служба требует полной самоотдачи. Чиновнику следует пожертвовать всем ради блага государя. Здесь нет места личным интересам.

Я, понимая всю ответственность, двигался вверх по служебной лестнице, быстро достиг положения министра иностранных дел и стал кавалером ордена Зелёно-пятнистого тигра с двадцатью пуговицами. Я шёл вперёд, не оглядываясь назад. Моя бодрая самоуверенность проистекала от внутренней силы, коей должен обладать достойный государственный муж. И я провёл целый ряд болезненных, но необходимых реформ, устраняя хаос, существовавший до моего прихода в политику. Теперь каждый человек обязан доказывать свою принадлежность к человеческому роду соответствующей справкой, выдаваемой в канцелярии. Каждый честный гражданин обязан носить на голове шляпу, а на ногах обувь. Носящий же на голове обувь, а на ногах шляпу теперь вне закона. Величие тоже при мне поступило на государствен- ный учёт.

Теперь только князь вправе определять степень величия человека. Это лишь некоторые образцы моих мудрых деяний. Всё перечислять не стану. Документы и добрая память послужат мне порукой и истинными свидетелями.

К сожалению, мудрый князь Пафнутий не довёл когда-то прогрессивные реформы до своего логического завершения. Не справился с этим и я. Всевозможные зловредные волшебники и легкомысленные феи тайно оставались в стране. Им была ненавистна моя прогрессивная политика, воплощённая в моём девизе «Истина – это словесно изложенная научная система». В конечном счёте, моя бывшая покровительница фея Розабельверде вступила в преступный сговор с народным целителем Проспером Альпанусом ради нарушения общественного порядка и остановки моих благотворных реформ. И вот теперь я нахожусь в своём доме, окружённом толпой смутьянов и пишу эти записки для потомства. Надеюсь, всё ещё наладится. А если нет, величие моё сохранит память обо мне в веках. С умиротворённым упованием на лучшее взираю я на туман грядущего. Да будет воля моя.